

О вкладе ВЭС в экономический рост России*
**The importance of foreign economic relations for Russia's
economic growth**

Юрий Васильевич ПИСКУЛОВ,

доктор экономических наук, профессор,

Всероссийская академия внешней торговли

*(119285, Москва, Воробьевское шоссе, 6А), кафедра международной
торговли и внешней торговли РФ - профессор, тел.: 8499 147-50-03*

Yuri Vasilievich PISKULOV,

Doctor of Economic Sciences, Professor, Russian Foreign Trade Academy

*(6A Vorobievskoe shosse, 119285, Moscow), Department of international trade
and foreign trade of the RF – Professor, phone: 8(499) 147-50-03*

УДК 339.9:332(470+571)

ББК 65.5:65.9 (2Рос)

П-345

Осмысление вклада ВЭС в процесс воспроизводства или, говоря современным языком, – экономический рост России, имеет большое теоретическое и практическое значение, является, по существу, частью необходимой нам концепции социально-экономического развития. Вот почему статья д.э.н. Владимира Оболенского, представляющего одновременно Институт экономики РАН и Национальный исследовательский институт МЭИМО им. Е.М. Примакова, вызывает повышенный интерес.

Структура его исследования, опирающегося на мощную статистическую базу, включая расчеты самого автора, логична, и мы ею воспользуемся в нашей статье: вклад ВЭС в производство; производство и экспорт; импортозависимость и импортозамещение и, наконец, выводы, которые автор обозначил как «влияние качества экономической политики, проводимой государством на федеральном, региональном и отраслевом уровнях... на производство в ближайшей перспективе» (с. 20). Большинство положений автора не вызывает сомнений, а там, где они возникают, мы выскажем свою точку зрения.

Нет сомнений в том, что «вялый рост» отечественной экономики негативно влияет на внешнюю торговлю, что «коматозное состояние» национальной инвестиционной системы и низкая инвестиционная активность не позволяют модернизировать производство, наращивать выпуск конкурентоспособной продукции и диверсифицировать экспорт (с. 9). Что касается тезиса о слабом росте производства и падении доходов населения как препятствии к увеличению импорта, то он представляется верным лишь частично. Ведь суперактивный торговый баланс, которому могут позавидовать многие страны – до 200 млрд долл. (в 2018 г.

*Письмо в редакцию. В порядке научной дискуссии по статье В.Оболенского «Внешняя торговля России: содействие процессам воспроизводства» // Российский внешнеэкономический вестник, №9, 2019, сс. 7-22.

экспорт – 439, импорт – 239, и так практически ежегодно) – как раз и позволяет значительно увеличить импорт, особенно высокотехнологичного оборудования и материалов для модернизации отсталой в целом промышленности. Но этого не происходит: экспортные доходы отправляются в «кубышку» – ФНБ или ЗВР – и не идут на расширение импорта, необходимого для роста воспроизводства, как это делает большинство стран. Слабый рост производства и падение доходов населения – производное от неолиберальных методов реализации экономической политики, особенно, бюджетно-финансовой и кредитной¹.

ВКЛАД ВЭС В ПРОИЗВОДСТВО

Автор отмечает, что внешняя торговля товарами и услугами играет весьма заметную роль в развитии экономики и ее модернизации: экспорт – расширяет производство, повышает занятость, доходы предприятий и населения (?), а импорт – обновляет технологическую базу предприятий, обеспечивает сырьем и материалами. При этом квоты страны – экспортная не ниже 26%, а импортная ниже – на уровне 20%; чистый экспорт товаров и услуг обеспечивает от 5 до 10% ВВП. Но интересно было бы узнать (через отраслевую статистику, например), развитие каких современных, особенно базовых, отраслей производства, кроме ТЭКа и автопрома, простимулировала внешняя торговля товарами и услугами.

К сожалению, такой статистики нет. Анализируемый период – последняя пятилетка – ограничен данными таблиц о чистом экспорте товаров и услуг; динамике экспорта/импорта; эффекте от изменений мировой конъюнктуры; поступлениях от экспорта и расходах на импорт, включая расчеты автора. Имеются также выводы автора о том, что для обеспечения воспроизводственных процессов особое значение имеет импорт «промежуточных товаров» – сырья, материалов и комплектующих. Правильный вывод, хотя, на наш взгляд, термин «промежуточный товар» не очень удачный. Наверное, более точным было бы определение «товар промежуточного потребления» или «промежуточная продукция», используемая в создании добавленной стоимости.

В целом, выводы автора по этому разделу верно характеризуют ситуацию прошедшего пятилетия: падение мировых цен на сырьевые товары 2014-2016 гг. «стало сильнейшим внешним шоком для российской экономики». Девальвация национальной валюты стимулировала экспорт и сдерживала импорт; удешевление рубля обеспечило экспортерам ощутимый рост экспортной выручки в рублях; импортеры вынуждены были тратить на закупки за рубежом тех же самых товаров и услуг заметно больше рублевых средств. Вывод же о том, что в осложнившихся условиях внешняя торговля продемонстрировала способность содействовать преодолению кризисных явлений в отечественной экономике и восстановлению экономического роста (с. 12), является, на наш взгляд, преувеличенным или «чисто рыночным», т.е. без учета проводимой (или не проводимой) экономической политики.

ПРОИЗВОДСТВО И ЭКСПОРТ

Как следует из таблицы 6 статьи, в истекшем году индексы производства показали заметный рост выпуска средств автотранспорта (на 13,5%), продукции деревообработки и целлюлозно-бумажных изделий (соответственно на 10,6 и 12,6%), пищевых продуктов (4,9%) при сокращении производства авиатехники на 13,5%, компьютеров и электроники на 1,5%, машин и оборудования – на 0,6%. При этом физический объем экспорта больше других вырос как раз по группе «машины, оборудование и средства транспорта» – на 15,6%, а также продовольствия и сельскохозяйственного сырья – на 13,2%; по компьютерам и электронике показателей нет.

Росту экспорта аграрной и промышленной продукции помогло удешевление рубля, а также поддержка государства, составившая 20 млрд долл., или 12,5% несырьевого экспорта. Несырьевой экспорт, по мнению автора, «способствовал выходу обрабатывающей промышленности на траекторию восстановительного роста» (с. 15).

Хотелось бы в это верить. Как подчеркивает член-корр РАН Андрей Спартак, «наибольший потенциал роста и главное направление диверсификации торговли в эпоху четвертой промышленной революции связаны с индустрией программного обеспечения... Поэтому для повышения конкурентоспособности и экспортной готовности, в первую очередь, могут и должны быть применены экстраординарные по масштабу и глубине меры государственной поддержки... Россия располагает мощной, конкурентоспособной и успешной софтверной индустрией»².

Общий объем экспорта, по подсчетам автора, в 2024 г. может превысить 500 млрд долл., т.е. почти на 14% больше, чем в 2018 г. При этом объем несырьевого экспорта (в неизменных ценах) должен вырасти на 33%. Достижение декларируемых президентским указом 250 млрд несырьевого экспорта будет возможным, говорит автор, при условии повышения мировых цен в среднем на 4% в год. Однако у России практически нет возможностей серьезно влиять на уровень этих цен, за исключением цен на нефть... Фактически, по оценке Всемирного банка, цены на неэнергетические товары в ближайшие годы будут иметь слабо выраженную тенденцию к повышению: на 5,5% за 5 лет. К этому надо добавить санкционное давление Запада.

ИМПОРТОЗАВИСИМОСТЬ И ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ

Зависимость ряда основных отраслей отечественной экономики от импорта оборудования, сырья и материалов высока: от 60 до 90%. Хотя в 2017-2018 гг. импорт показал «восстановительный рост», его объем сегодня составляет $\frac{3}{4}$ от уровня 2013 г. Пострадали, говорит автор, все сектора отечественной экономики. Особенно негативно сокращение ввоза инвестиционных товаров сказалось на модернизации и инвестиционной активности.

Импорт уменьшился, но промышленность, за редким исключением, не смогла компенсировать это сокращение. В абсолютном большинстве предприятия вынуждены сохранять в своих закупках прежнюю долю импорта. Из-за отсутствия производства в стране нужного им оборудования, сырья и комплектующих, а также низкого качества отечественной продукции предприятия (до 40%) не готовы отказаться от импорта «даже в условиях обесценения рубля и роста рублевых цен на импортную технику». По мнению автора, политика импортозамещения в промышленности себя исчерпала: есть смысл сузить ее до концентрации на разработке и внедрении технологий и оборудования, в т.ч. двойного назначения, которые Запад запрещает продавать России.

А в отношении импорта, помогающего предприятиям модернизировать свое производство, наоборот, необходимы меры его стимулирования, в т.ч. в рамках госзакупок. Эти выводы, по нашему мнению, обоснованы, в т.ч. благодаря наличию большого профицита внешнеторгового баланса.

Но задействовать этот профицит на цели модернизации возможно лишь с помощью перенастройки экономической политики государства. Об этом говорят, в частности, выводы и предложения недавно защищенной в ВАВТ кандидатской диссертации Людмилы Тишиной (научный руководитель – доктор эк. наук Любовь Стрижкова) о связи импорта с государственной экономической политикой и развитием промышленного производства:

□ усилилась технико-технологическая привязка российских производств к зарубежным поставщикам. Одним из важных условий расширения выпуска конкурентоспособной продукции и модернизации экономики сегодня является доступность промежуточного и инвестиционного импорта для производителей и инвесторов;

□ ускорение динамики экономического роста потребует наращивания импорта;

□ внутренней основой устойчивого повышения конкурентоспособности и экономической безопасности страны является наличие высокоразвитого промышленного ядра. Государственную политику в области преобразования промышленного комплекса важно нацелить на укрепление машиностроительного и химического комплексов, сконцентрировав усилия на развитие производств электронных компонентов, электронной аппаратуры.

В диссертации, к сожалению, не говорится об источниках указанных преобразований, но, как показала дискуссия в ходе защиты, очевидно, что в этих целях можно было бы использовать в первую очередь экспортные доходы.

КАЧЕСТВО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Для увеличения и диверсификации экспорта, как справедливо подчеркивает автор, необходимо дальнейшее расширение масштабов его финансовой, организационной и другой поддержки, включая совершенствование таможенных процедур. Как пример приводится национальный проект «Международная кооперация и

экспорт», включающий пять федеральных проектов, общей стоимостью 957 млрд руб. Это не такая уж большая цена (ок. 15 млрд долл.) за перестройку нашего экспорта.

В качестве дополнения к выводам и предложениям автора вернемся к упомянутой выше фундаментальной работе А. Спартака, особенно главам 9-10. Они во многом посвящены участию России во внутриотраслевом международном разделении труда и специализации, являющихся сегодня наиболее масштабной, высокотехнологичной и прибыльной формой участия в глобальных цепочках создания стоимости (ГЦСС).

По данным ВТО, включенность России в ГЦСС, в целом, находится на среднемировом уровне (52%), из которых до 40% приходится на поставки промежуточной продукции (сырье и полуфабрикаты) из России для дальнейшей переработки за границей, и лишь 14% – на стоимость импортных компонентов, используемых Россией для производства готовой и промежуточной продукции в основном для внутреннего рынка. Задача – повысить качество нашего участия в ГЦСС, в т.ч. путем применения соответствующих таможенных режимов, чтобы избежать длительного пребывания в так называемых «ловушках специализации» (термин ЮНКТАД), т.е. продолжающейся специализации на производстве трудоемкой и низкостоймостной продукции. Для этого следовало бы воспользоваться международным опытом применения таможенных правил и режимов, сделав их, а не собиравание таможенных платежей, мотивацией и главным показателем эффективности работы таможенных органов.

Важным условием эффективности ГЦСС является заключение с зарубежными партнерами преференциальных торговых соглашений, снимающих барьеры на пути поставок кооперируемой продукции. Примером может быть соглашение о свободной торговле ЕАЭС с Вьетнамом.

Низкий уровень промышленной кооперации стран-участниц ЕАЭС, по мнению А.Н. Спартака, – серьезное ограничение планов экономической интеграции. Необходимы поиск потенциальных партнеров по кооперации на субконтрактной основе, участие национальных центров субконтрактации в едином реестре стран ЕАЭС, разработка цифровых стандартов передачи техдокументации, развитие евразийских технологических платформ (ЕТП), наконец, определение в документах Союза особого статуса кооперационной продукции и создание системной регуляторно-правовой основы, включая преференциальные правила происхождения этой продукции и взаимный доступ к рынкам госзакупок.

Использование при этом подходящих норм и правил Евросоюза, создавшего за десятилетия своего существования эффективную базу кооперационного производственно-технологического сотрудничества, по нашему мнению, остается важной задачей ЕАЭС³.

В качестве итога можно согласиться с мнением Спартака о том, что «Россия располагает потенциалом для расширения участия в региональных и глобальных цепочках создания стоимости, но для его реализации требуется институциональная и регуляторная наработка, прежде всего внутри самой России и ЕАЭС»⁴.

Сложные альтернативные прогнозы и расчеты развития кооперации в ЕАЭС до сих пор не сопровождаются принятием пожалуй главного нормативно-правового документа, определяющего права и обязанности участников кооперации на всех этапах подготовки и реализации соответствующего контракта (соглашения), включая правила использования стандартов, норм технического регулирования, интеллектуальной собственности и т.д. Отсутствие такого документа вкупе с неясностью последствий «ущемления суверенитета» стран-членов, вызывает у потенциальных участников ЕАЭС, в первую очередь у Узбекистана, вопрос – вступать или не вступать в Союз или продолжать отношения двусторонней торговли.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Многие, особенно США, живут в долг, т.е. с огромным дефицитом баланса и высоким госдолгом, что практически не мешает росту их производства и благосостояния населения.

² Спартак А.Н. Современные трансформационные процессы в международной торговле и интересы России. - М.: Всероссийская академия внешней торговли, ИКАР, 2018, сс. 270, 275

³ См., напр., UNICE-DG XXIII of European Commission: “Guidelines for partnership in industrial subcontracting”. Эта директива ЕС и его Союза промышленников и предпринимателей содержит принципы и правила взаимоотношений партнеров, в т.ч. такой принцип, как честность – главное условие успеха долгосрочных, стабильных и взаимовыгодных связей.

⁴ Спартак А.Н. Указ. соч., 2018, с. 333

БИБЛИОГРАФИЯ:

Оболенский В.П. Внешняя торговля России: содействие процессам воспроизводства. // Российский внешнеэкономический вестник, №9, 2019, сс. 7-22 (Obolenskij V.P. Vneshnyaya trgovlya Rossii: sodejstvie processam vosproizvodstva. // Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik, №9, 2019, ss. 7-22)

Спартак А.Н. Современные трансформационные процессы в международной торговле и интересы России. - М.: Всероссийская академия внешней торговли, ИКАР, 2018. - 456 с. (Spartak A.N. Sovremennye transformacionnyye processy v mezhdunarodnoj trgovle i interesy Rossii. - M.: Vserossijskaya akademiya vneshnej trgovli, IKAR, 2018. - 456 s.)

